

УДК 070(91):94(47+97)

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-68-77

Ссылка для цитирования: *Кириллов В. Л.* Раскол в нигилистах – раздор в нигилистах. К истории русской революционно-демократической журналистики 1860-х гг. // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 68–77.

РАСКОЛ В НИГИЛИСТАХ – РАЗДОР В НИГИЛИСТАХ. К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1860-Х ГОДОВ

В. Л. Кириллов

Государственный музей политической истории России, 197046, Санкт-Петербург, ул. Куйбышева, 2-4
kirillov-msu@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4960-4692

ResearcherID: AAY-8372-2021

Рассмотрены конфликты в русской революционно-демократической публицистике середины – второй половины 1860-х гг.: «раскол в нигилистах» (конфликт между журналами «Современник» и «Русское слово» в 1863–1865 гг.), споры М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского с Н. А. Некрасовым в 1869 г., дискуссии в изданиях швейцарской типографии М. К. Элпидина. Историография чаще уделяет внимание политическому характеру этих конфликтов, однако большее значение, по мнению автора статьи, имели личные поводы для ссор, позволяющие называть эти события не «расколом в нигилистах», а раздором. Они были следствием кризиса, который охватил среду шестидесятников в середине – второй половине 1860-х гг.: надежды на революционный взрыв масс не оправдались, усиливался цензурный гнет, росла политическая дезориентация в обществе. В таких условиях дискуссии не приводили к появлению новых идей и направлений, а лишь усугубляли депрессивную атмосферу в публицистике. Тот факт, что раздоры не носили преимущественно идейно-политического значения, подтверждают не только прямые указания на личные факторы в воспоминаниях шестидесятников, но и размытость границ их «литературных партий», что позволило Д. И. Писареву участвовать в работе журнала «Отечественные записки». В эмиграции, при отсутствии цензуры и правительственного контроля за печатью, публицистам также не удалось избежать личных конфликтов; исключением можно считать журнал «Народное дело», пример которого говорит о переходе к конструктивной полемике 1870-х гг.

Ключевые слова: революционно-демократическая журналистика, «раскол в нигилистах», «Современник», «Русское слово», Д. И. Писарев, русская революционная эмиграция.

В середине 1860-х гг. два ключевых журнала революционно-демократического лагеря «Современник» и «Русское слово» развернули полемику, получившую известность как «раскол в нигилистах». Ярче всего дискуссии проявились в статьях автора «Современника» М. Е. Салтыкова-Щедрина и оппонировавших ему публицистов «Русского слова». Мнения исследователей об отправной точке полемики разнятся: Б. П. Козьмин выделял в качестве первой статьи выступление Щедрина в цикле «Наша общественная жизнь» в январе 1864 г. [Козьмин, 1961, с. 22–23], В. Е. Евгеньев-Максимов и Г. Ф. Тизенгаузен также называли началом полемики «стычку» В. А. Зайцева из «Русского слова» с Щедриным [Евгеньев-Максимов, Тизенгаузен, 1939, с. 292], но Ф. Ф. Кузнецов считал «первой ласточкой» более раннюю статью Зайцева «Перлы и алмазы русской журналистики», вышедшую в апреле 1863 г. [Кузнецов, 1990, с. 337].

Споры затрагивали роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», образ нигилиста в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» и в реальной жизни, оценку Н. А. Добролюбовым Катерины в «Грозе» А. Н. Островского, искусство в целом, философию Шопенгауэра, освобождение негров в США и другие темы. Со стороны «Современника», кроме Салтыкова-Щедрина, в дискуссиях активно участвовал М. А. Антонович, со стороны «Русского слова», кроме Зайцева, – Д. И. Писарев; отметим эти две личности, поскольку в дальнейшем нам придется вернуться к

их месту в спорах второй половины 1860-х гг. Публицисты не стеснялись в выражениях и взаимных обидах. Салтыков-Щедрин, критикуя «вислоухих нигилистов», подчеркивал, что эта критика относится не ко всей молодежи, а только к недалеким «горлопанам» из ее рядов: «“Я демократ”, – говорит вам вислоухий и доказывает это тем, что ходит в поддевке и сморкается без помощи платка. “Я нигилист и не имею никаких предрассудков”, – говорит вам другой вислоухий и доказывает это тем, что во всякое время готов выбежать голый на улицу» (*Салтыков-Щедрин*, 1864, с. 60). Журнал «Русское слово» принимал критику на свой счет: в заметке «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист “Современника”» говорилось, что «все мы названы вислоухими и юродствующими», «мы обруганы мальчишками» (*Кающийся...*, 1864, с. 68–69).

В 1865 г. полемика прекратилась, а 28 мая 1866 г. вследствие покушения Каракозова на Александра II «Современник» и «Русское слово» – «по доказанному постоянно с давнего времени вредному направлению» – были закрыты верховной властью (*Сб. постановлений...*, 1868, с. 27). Но само понятие «раскола в нигилистах» запомнилось – благодаря заголовку статьи Ф. М. Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» в журнале «Эпоха» за май 1864 г., где автор иронично пересказал содержание конфликта (*Достоевский*, 1980, с. 102–104). Впоследствии понимание полемики середины 1860-х гг. именно как раскола утвердилось в историографии.

Историки и литературоведы часто рассматривали этот сюжет в идейно-политическом ключе. Козьмин видел в сторонниках двух журналов две «резко расходившиеся между собою» общественные группы («партии»); авторы «Современника» и шедшие за ними ишутинцы, по его мнению, были близки к народничеству, а «Русское слово» и особенно Писарев склонялись к бланкизму [*Козьмин*, 1961]. П. С. Рейфман также отмечал идеализацию народа в «Современнике», но считал, что отсутствие такой идеализации в «Русском слове» приводило журнал не к бланкизму и идеям политического переворота, а к стремлению развивать социально-экономическую теорию [*Рейфман*, 1970]. Кузнецов, как и Рейфман, обращал внимание на желание «Современника» пропагандировать «практическое действие», а в направлении «Русского слова» отмечал критику потенциальных либеральных колебаний Салтыкова-Щедрина [*Кузнецов*, 1990, с. 348–349].

В конце XX – начале XXI века в литературе укрепилась тенденция анализировать «раскол в нигилистах» вне жесткого «партийного» контекста. Это не перечеркивало представление об идейных разногласиях журналов, но позволяло взглянуть на их конфликт с других ракурсов. Так, Б. Ф. Егоров в монографии 1991 г. о борьбе эстетических взглядов в русской журналистике 1860-х гг. утверждал, что в «расколе в нигилистах» «чуть ли не главную роль играли вопросы искусства» [*Егоров*, 2009, с. 398]. Остроту дискуссий можно было объяснить не только идеологическим противостоянием, но и личными, эмоциональными конфликтами, не отменявшими мировоззренческой общности публицистов: В. А. Мысляков называл споры Щедрина с Писаревым «полемикой единомышленников, заплатившей дань и “трудному времени”... и определенному журнальному соперничеству, и своему темпераменту» [*Мысляков*, 1984, с. 65]. Среди историков встречались и более резкие определения «раскола в нигилистах», фактически игнорирующие его политический аспект: Е. И. Щербакова, рассматривая нигилистическую культуру русского революционного движения 1860-х гг. как единое целое, назвала «раскол» «обыкновенной журналистской грызней, раздутой до размеров идеологического конфликта позднейшими интерпретаторами» [*Щербакова*, 2008, с. 44].

Верно ли при справедливом анализе эстетических, личных, корпоративных и эмоциональных причин «раскола в нигилистах» не искать их в идейно-политической плоскости? Данная статья призвана обратить внимание на «конфликтный» характер революционно-демократической журналистики середины – второй половины 1860-х гг. с точки зрения кризиса революционных идей шестидесятников, который, имея под собой политическое содержание, не привел к дифференциации идейных направлений и настоящему расколу. «Раздоры» вместо «расколов» в этот период были характерны и для легальной печати, и для эмигрантского революционного сообщества, и для революционного подполья. К сожалению, объем статьи позволяет лишь сослаться на пример интереса подпольных групп к публицистике разных журналов, не вдаваясь в подробности их собственных «раздоров»; о них будет сказано в будущем диссер-

тационном исследовании о кризисе идей шестидесятников в русском революционном движении, частью которого станет эта статья.

1862–1863 гг. стали переломными для революционно-демократического сообщества шестидесятых годов (далее – шестидесятников). С одной стороны, это время стало кульминацией движения. В 1863 г. в журнале «Современник» вышел роман Чернышевского «Что делать?», где в художественной форме авторитетный публицист и мыслитель выражал свой актуальный взгляд на поколение «новых людей». Е. Н. Водовозова в мемуарах отмечала «необыкновенное оживление в интеллигентных кружках», обсуждавших роман в первые месяцы после выхода (Водовозова, 1987, с. 168). С другой стороны, в 1863 г., когда окончился срок составления уставных грамот, ожидаемой некоторыми шестидесятниками крестьянской революции в России не произошло. Восстание в Польше вызвало у части общества отторжение революционной риторики. Тайное общество «Земля и воля», ввиду трудностей подпольной работы, самоликвидировалось в 1864 г. (см., напр., [Линков, 1958]). «1863 год проехал тяжелой колесницей по груди», – так писал А. И. Герцен в ответ на полемические выпады, согласно которым его печатное слово потеряло общественный вес (Герцен, 1959, с. 106).

На прежний оптимизм общества также влияла цензура. Ее условия стремительно менялись, что можно заметить при сравнении дневниковых записей профессора Петербургского университета А. В. Никитенко в 1862 г. Тогда министр народного просвещения А. В. Головнин обратился к некоторым редакциям периодических изданий с просьбой сообщить ему мнения о возможных преобразованиях в области цензуры. Журналисты и литераторы, по свидетельству Никитенко от 18 февраля 1862 г., «так этим вознеслись, что начали разглашать, что и цензура и сам министр теперь у них в руках» (Никитенко, 1955, с. 258).

Принятые Временные правила по цензуре от 12 мая 1862 г. требовали не допускать к печати сочинения, содержащие «вредные учения социализма и коммунизма», «клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка», «в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому», «в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы» (ПСЗРИ, собр. 2-е, № 38270). 12 июня Никитенко писал: «Вот она и реакция... <...> Журналы “Современник” и “Русское слово” закрыты на восемь месяцев. <...> Мысли грозят опять застой и угнетение...» (Никитенко, 1955, с. 279–280). Всего за несколько месяцев восприятие цензурных условий изменилось радикально.

Возобновленные в 1863 г. «Современник» и «Русское слово» оставались центром притяжения читательского интереса шестидесятников, своего рода их «дуумвиратом», определявшим литературно-публицистическое направление революционно-демократической аудитории. Но теперь издания находились словно между молотом и наковальней. Опасность повторного закрытия усугубилась репрессиями против конкретных авторов: Чернышевского и М. Л. Михайлова из «Современника», Н. В. Шелгунова из «Русского слова». Боевой дух сменялся разочарованием, и Зайцев с горечью констатировал: «Мы можем не толковать теперь о борьбе за святые убеждения, о принесении себя в жертву принципам, о гражданской (гражданской. – В. К.) добродетели; мы знаем, что теперь практического дела из этого выйти не может, ибо все это более или менее нелепые бредни» (Зайцев, 1864, с. 4).

Шелгунов считал, что уже в 1862–1863 гг. журнальный «дуумвират» фактически умер, а окончательный запрет изданий в 1866 г. можно назвать «лишь видимую смертью». Следствием «умственной паники», сомнений, «томительного душевного состояния» стали личные дразги: «Вместо рассуждения об общих делах теперь стали говорить о личных, и, вместо того чтобы успокоить встревоженную мысль на общих идеях, раздраженное и неудовлетворенное личное чувство искало дела в личной полемике» (Шелгунов, 1967, с. 227). В качестве примеров в его мемуарах можно найти не только факты перепалки между журналами, но и сведения о конфликтных ситуациях внутри редакций: публицист вспоминал попытки Зайцева зимой 1865–1866 гг. устроить в «Русском слове» заговор («coup d'état») против руководителя журнала Г. Е. Благовестлова; те же намерения высказывали сотрудники «Современника» в отношении Н. А. Некрасова (Там же, 1967, с. 229–230).

Даже «верноподданнические» настроения в глазах публицистов-шестидесятников становились поводом для личных обвинений, свидетельством моральной нечистоплотности оппо-

нента, о которой стоило заявить публично. В 1866 г. авторитет Некрасова как демократического издателя и автора был подорван его стихотворениями в честь крестьянина О. И. Комиссарова, спасшего жизнь императору, и М. Н. Муравьева, председателя следственной комиссии по расследованию покушения Каракозова. Негативная реакция дошла до Запада, где Герцен в «Колоколе» писал, что Некрасов забыл «всякий стыд и всякое приличие» (Герцен, 1866, с. 1803), и до Сибири, где Чернышевский в ссылке, по неподтвержденному рассказу В. Г. Короленко, плакал при чтении номера «Современника» с опубликованным стихотворением Комиссарову (Короленко, 1971, с. 350–351).

Упреки в адрес Некрасова, где смешивалось личное и политическое, проявились в выступлении Антоновича и Ю. Г. Жуковского в конце 1860-х гг. Литературоведы Б. В. Папковский и С. А. Макашин при анализе этой истории выделили главным фактор вмешательства власти [Папковский, Макашин, 1949, с. 439–452]. При создании новых «Отечественных записок» Жуковский и Антонович не вошли в редакцию именно по настоянию сверху, что доказывается не только косвенными обмолвками в переписке современников, но и записью в журнале заседаний Совета Главного управления по делам печати. Согласно ей, устранение от участия в журнале указанных публицистов, «отличавшихся крайними воззрениями», было условием Министерства внутренних дел еще осенью 1867 г., во время переговоров Некрасова с издателем журнала А. А. Краевским.

Ответом на решение Некрасова стала брошюра Антоновича и Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы», вышедшая в Петербурге в 1869 г. Антонович всего несколько лет назад горячо защищал позицию некрасовского «Современника» во время «раскола в нигилистах», но теперь его позиция изменилась. Он обрушился с критикой на своего бывшего редактора, разоблачал «двойную либерально-рабскую игру», которую вел Некрасов на протяжении многих лет: по мнению публициста, Некрасов долгое время «усердно воспевал русский народ», вел литературную борьбу в «Современнике», но не был искренним «либералом». Жуковский в дополнении к тексту Антоновича подробнее остановился на предпринимательской стороне Некрасова. В меркантильном характере интереса к литературе авторы обвиняли в первую очередь Краевского. Поэтому Некрасов в их глазах, пойдя на сотрудничество с Краевским для создания «Отечественных записок», наконец «вышел из фальшивого положения» и показал истинное лицо.

В литературе встречается утверждение, что Антонович и Жуковский критиковали Некрасова за переход от демократических идей к либеральной позиции Краевского [Емельянов, 1986, с. 20]. Но в тексте брошюры либерализмом, а также его крайним проявлением – радикализмом, названа позиция шестидесятников; взгляды Краевского оцениваются как «охранительные», верноподданнические. Вот как, в ироническом представлении Антоновича, Краевский должен был обращаться к Некрасову во время переговоров об «Отечественных записках»: «Я буду служить в некотором роде противовесом излишнему либерализму и так сказать гарантией в глазах – вы понимаете чьих. Что же касается вашего либерализма и даже радикализма... то я думаю, что вы столь же преданы ему, как я предан охранительным принципам, и потому не станете сильно жалеть об нем...» (Антонович, Жуковский, 1869, с. 68).

Салтыков-Щедрин в рецензии на эту брошюру встал на сторону Некрасова и оценил выпад Антоновича и Жуковского как «горькое воспоминание о некоторых личных неудачах и разочарованиях, соединенное с невинным поползновением выместить эти неудачи и разочарования даже не на тех, кто был главною и действительною их причиной... а на тех, кто находится ближе под руками» (Салтыков-Щедрин, 1869, с. 273). Намек на цензурное давление можно найти и в том месте, где Щедрин отвечал на обвинение Некрасова и его журнала в отсутствии либерализма и слабом освещении социальных вопросов. По словам Щедрина, если «журнал касается этих вопросов с осторожностью, а иногда даже и совсем обходит их, то причина этого заключается не в недостатке ясного их понимания, а в чем-то другом» (Там же, с. 281). О «тонких и щекотливых условиях, в которых обращается наша журналистика вообще и редакторская деятельность в особенности», упомянул и Г. З. Елисеев в статье «Ответ на критику», направленной против брошюры Антоновича и Жуковского (Елисеев, 1869, с. 337).

Политическое содержание конфликта не шло дальше намеков на отношения с властью и цензурой, а впоследствии и вовсе казалось недоразумением. Спустя десятилетия Антонович

при написании мемуаров признал, что в «возбуждении и подкреплении» его вражды с Некрасовым участвовали «элементы неважные, временные, личные, излишняя горячность и жар увлечения» (Антонович, 1933, с. 177). «...Я откровенно сознаюсь, что мы ошиблись относительно Некрасова: он не изменил себе и своему делу...», – заключал Антонович (Там же, 1933, с. 213). Такой же отпечаток сиюминутности и несерьезности, не повлиявшей на идейно-политическое размежевание публицистики, видится и в «расколе в нигилистах».

Если бы «раскол в нигилистах» способствовал появлению двух обособленных течений в публицистике, то последующая история наглядно бы это продемонстрировала. Однако различия в журнальном «дуумвирате» так и не привели к идеологической вражде. В 1866–1867 гг. закрытые журналы нашли альтернативные издательские возможности: редакция «Русского слова» во главе с Благосветловым переместилась в новый журнал «Дело», а «Современник» с Некрасовым – в арендованные у Краевского «Отечественные записки». Когда критик А. М. Скабичевский получил приглашения к сотрудничеству из обоих журналов, он предпочел некрасовское издание, опять же по личным причинам. «Я достаточно успел уже послушаться рассказов о жидоморстве (антисемитизме. – В. К.) Благосветлова, о его грубости с сотрудниками, о бесцеремонности, с какою он позволял себе в их статьи вставлять от себя потоки площадной брани против своих литературных врагов», – объяснял он свой выбор (Скабичевский, 1928, с. 255–256).

Читательская аудитория и раньше видела различия между журналами, но общее они ценили выше особенного. Скажем, участники ишутинского тайного общества относились к «писаревщине» скорее негативно: они видели в статьях Писарева отрицание идеалов Чернышевского. На это обратил внимание Козьмин, цитируя ишутинца П. Ф. Николаева; историк выделил его утверждение, согласно которому ишутинцы были «ярыми врагами» Писарева [Козьмин, 1961, с. 63]. Тем не менее это не помешало участникам другого тайного общества, «Сморгонской академии», куда входили бывшие ишутинцы, в 1867–1868 гг. пригласить Писарева на организованный ими творческий вечер [Кириллов, 2016, с. 97–98]. Более того, среди гостей «Сморгонской академии» был П. Н. Ткачев – в те годы сотрудник журнала «Дело»; ему же, как вспоминал писатель Н. И. Свешников, принадлежала идея названия этого тайного общества (Свешников, 1996, с. 80–81). Приверженность сморгонцев культу Чернышевского при этом очевидна: они даже стали инициаторами очередной попытки организации его побега [Кириллов, 2016, с. 102–107].

Таким образом, принадлежность к той или иной «литературной партии» могла носить ситуативный характер. Это относится и к читателям, и к самим журнальным сотрудникам. После 1866 г. иногда звучало эхо «раскола в нигилистах». Так, в 1867–1868 гг. ранее проправительственная газета «Неделя» изменила редакторскую политику и превратилась в революционно-демократический, «радикальный» орган. Там стали публиковать знакомых публике по «толстым журналам» авторов: Н. С. Курочкина, Н. А. Демерта, Н. К. Михайловского, А. К. Шеллера-Михайлова, Ф. М. Решетникова, Г. И. Успенского и др. [Латишина, 1985, с. 47–48]. По свидетельству Скабичевского, истинными руководителями газеты какое-то время были сотрудники «Отечественных записок» во главе с Курочкиным (Скабичевский, 1928, с. 257). После того, как новая руководительница «Недели» Е. И. Конради-Бочечкарова в 1869 г. пригласила в газету Ткачева и Зайцева из «Дела», часть некрасовских сотрудников ушла.

В историографии этот эпизод связывают с отголоском «раскола в нигилистах» [Латишина, 1985, с. 56]. Но Скабичевский в мемуарах об этом вовсе не упомянул, зато отметил другую причину – характер самой Конради-Бочечкаровой, ее капризность и некомпетентность; создается впечатление, будто она была не идейной сотрудницей, а всего лишь «светской дамой» (Скабичевский, 1928, с. 257). Этот отзыв несправедлив: Конради-Бочечкарова была активной сторонницей идей шестидесятников и, в частности, обсуждения женского вопроса. Как можно заметить, вновь личное затмевало собой политическое, и о последнем по прошествии времени не вспоминали.

Самой яркой фигурой, которая показывает несущественность политического содержания «раскола в нигилистах» и размытость границ между «литературными партиями», можно считать Писарева. В середине 1860-х гг. он был ключевым критиком «Русского слова» и в начале 1867 г. продолжил работу с Благосветловым, опубликовав в журнале «Дело» четыре статьи. Но

уже летом 1867 г. он писал Шелгунову, что в конце мая у него произошла размолвка с Благодетелем – как было сказано в письме, «не из принципов и даже не из-за денег, а просто из-за личных неудовольствий с Григорием Евлампиевичем» (Шелгунов, 1967, с. 204). Благодетель подтвердил личный характер конфликта: дело заключалось в том, что он указал в печати в числе сотрудников журнала Марко Вовчок (псевдоним М. А. Маркович, троюродной сестры и возлюбленной Писарева), хотя сама Маркович не давала на это согласия; Писарев потребовал извинений Благодетеля и, не добившись их, ушел из «Дела» (Там же, с. 205).

С появлением нового журнала Некрасова Писарев стал его постоянным автором (как, кстати, и Марко Вовчок). За первое полугодие 1868 г. в «Отечественных записках» вышли шесть его статей, а также переводы. Писарева не смутили его прежние разногласия с «партией» «Современника»; по наблюдениям того же Шелгунова, критик был доволен положением – бесцензурными и свободными условиями для своего творчества (Там же, с. 208). Авторство Писарева в статьях «Отечественных записок» не указывалось, да и тематика была ограничена: только одна из них, «Старое барство», затрагивала вопросы актуальной русской прозы – роман Л. Н. Толстого «Война и мир»; остальные же работы были критическими заметками к зарубежной литературе и их можно назвать проходными (все статьи 1868 г. с комментариями см. (Писарев, 2007, т. 10)). Трагическая смерть в июле 1868 г. – Писарев утонул во время морских купаний – оборвала его сотрудничество с журналом, и неизвестно, в каком направлении оно бы развивалось. Курочкин в некрологе писал, что Писарев перед смертью «посвящал свою деятельность исключительно “Отечественным запискам”» и «заготавливал материалы для семи обещанных нам статей» (Н. К. Некролог..., 1868, с. 175).

Быть может, первоочередное влияние на кризисное состояние публицистики оказывали цензурные условия и запреты? В таком случае Герцен и другие русские эмигранты пользовались более выгодным положением и могли свободно развивать революционную прессу. Факты, впрочем, показывают схожие кризисные черты и в эмигрантской среде.

Герцен отмечал, что во второй половине 1850-х гг. газету «Колокол» «горячо приветствовало» молодое поколение (Герцен, 1957, с. 300), но после 1861–1862 гг. он утратил эту поддержку. В письмах близким, говоря о потере прежних позиций издания, он упоминал «отлив людей», «безразличие наших друзей, отсутствие всякой нравственной поддержки», отсутствие «постоянных корреспонденций с родины», превращение газеты в «затяжное рыдание» (Герцен, 1963, с. 454; 1964, с. 11; 1960, с. 399). Во второй половине 1860-х гг. «Колокол» – единственное постоянное периодическое издание революционной эмиграции – прекратил существование; в последнем регулярном выпуске в 1867 г. Герцен и Огарев признавали, что предыдущие пять лет были для них действительно тяжелы (Герцен, Огарев, 1867, с. 1991).

Падению популярности «Колокола» способствовало формирование так называемой «молодой эмиграции». До 1861 г. к русским эмигрантам революционного направления, по подсчетам В. Я. Гросула, можно отнести чуть более десятка деятелей, а в 1861–1866 гг. их число перевалило за сотню [Гросул, 2001, с. 33, 67]. Среди новоприбывших росли антигерценовские настроения: молодежь раздражали «либеральные иллюзии» Герцена, т.е. его недостаточный радикализм в революционной борьбе и надежды на реформистский характер политических процессов в России, его строгий контроль за редакционной политикой «Колокола», наконец, его собственная дворянская культура [Козьмин, 1941, с. 29, 41 и др.]. Конфликт поколений содержал как политические, так и личные элементы, и, пожалуй, эмоциональность личных элементов создала гораздо больше баррикад между эмигрантами, чем политические разногласия. «Заносчивые юноши», «они не имели той выправки, которую дает воспитание», для них характерна «систематическая неотесанность», – писал о революционной молодежи Герцен (Герцен, 1957, с. 350–351), и она отвечала ему взаимностью: «...Вы все, что хотите, только не политический деятель, и еще менее теоретик, основатель школы, учения...», – публично обращался к Герцену А. А. Серно-Соловьевич в брошюре «Наши домашние дела» [Козьмин, 1941, с. 29].

Желая освободиться от монопольного положения герценовских изданий, эмигранты пытались организовать революционную печать самостоятельно. Это требовало материальной базы – типографии. В 1866 г. в Женеве бежавший из России бывший участник казанского революционного кружка М. К. Элпидин создал такую типографию. По сведениям III отделения от 1868 г., Элпидин научился печатному делу уже на месте, в Женеве, и «печатал сперва разные

пасквили, грязного содержания брошюры, а затем революционного направления листки: «Подпольное слово» и «Современность» (ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 222–222 об.).

Эти журналы выходили недолго: «Подпольное слово» (1866) ограничилось двумя номерами, «Современность» (1868) – семью [Линаев, 1967, с. 20]. Заметным явлением они не стали в том числе из-за содержания: редактирующий «Современность» Н. Я. Николадзе в статьях журнала критиковал не только Герцена и Огарева, но и «молодую эмиграцию», обвиняя ее в искажении идей Чернышевского и Добролюбова. Несогласный с критикой Серно-Соловьевич написал брошюру против Николадзе «Миколка-публицист» и издал ее в той же типографии Элпидина. Должно быть, III отделение под «пасквилями» подразумевало подобные издания. В последнем выпуске «Современности» Николадзе обрушился с критикой на журнал «Народное дело», который опять же печатался у Элпидина [Шахматов, 2007, с. 313]. Одним словом, политика новой типографии способствовала свободной дискуссии, но эта дискуссия привела лишь к росту раздоров.

Единственным эмигрантским органом после «Колокола», который продержался больше года и первоначально задумывался общеэмигрантским изданием, был журнал «Народное дело». В 1867–1868 гг. авторитетный, «старый» эмигрант М. А. Бакунин сблизился с кругом «молодой эмиграции»: он выступал в Женеве на первом конгрессе демократической Лиги мира и свободы, а затем переехал в городок Вева у Женевского озера, где проживали «молодые эмигранты». По утверждению Бакунина, создать «Народное дело» и пригласить его в журнал решил Н. И. Жуковский (Бакунин, 1928, с. 409–410).

Первый номер журнала от 1 сентября 1868 г. не представлял мнение всего круга «молодой эмиграции» – Бакунин сделал его практически личным органом. Из четырех статей номера вторую и, возможно, третью написал Жуковский, остальные – Бакунин, но статьи Жуковского идеально сочетались с бакунинскими взглядами – смесью анархических идей с призывами идти «в народ» [Козьмин, 1957, с. 87]. Ни Н. И. Утин, несколько лет пытавшийся создать общий эмигрантский орган, ни Элпидин, в чьей типографии он вышел, содержание журнала на тот момент не определяли. Редакция рассорилась между собой, и Бакунин покинул «Народное дело»; уже следующий номер в конце октября 1868 г. готовился без него и Жуковского, главную роль в редакции с тех пор занимал Утин [Козьмин, 1957, с. 95–97]. «Народное дело» как журнал, а затем как газета превратилось в орган Русской секции Первого Интернационала и выходило до 1870 г.

В сравнении с рассмотренными ранее конфликтами в расколе редакции «Народного дела» ярче проявились идейные разногласия, особенно после 1868 г., когда Бакунин со своими сторонниками в Интернационале жестко противостоял марксистскому Генеральному совету, линию которого поддержала Русская секция. Казалось бы, конфронтация приобрела организационные черты, где выяснению личных отношений уже не было места. И все же Бакунин в 1871 г. решил написать статью «Интриги господина Утина», где начинал повествование не с программных вопросов, а с рассуждений о «проделках маленького господина... вся личность которого не стоит траты слов» (Бакунин, 1928, с. 408).

Увлечшись текстом, Бакунин перешел от личных претензий к теоретическим вопросам, и рукопись осталась незаконченной и неопубликованной. Вероятно, желание очередной печатной склоки в духе поздних шестидесятников уже не было для него приоритетным. Для него и для всего революционного сообщества – как в эмиграции, так и в России – к тому моменту наступило не просто другое десятилетие. Начиналась новая, бурная эпоха народничества, в которой уже не было места идеологическому простоя.

Именно идейный простой и тупик, крушение надежд, дезориентация и разочарование, которое чувствовали шестидесятники в это время, вызывали личные конфликты в открытой печати. Придавая им стройную форму «раскола», исследователи невольно преувеличивали идейные разногласия между публицистами. Рассмотренные в статье эпизоды из истории публицистики показывают, что и идейные, и личные разногласия меняли свой характер и направление столь часто, что порой не позволяли участникам дискуссий сформулировать внятную политическую позицию. Делая эту важную поправку на кризисное и крайне изменчивое состояние общественной мысли шестидесятников в середине – второй половине 1860-х гг., мы смо-

жем гораздо лучше понять причины и ход публицистических споров времен «раскола», или, точнее, «раздора в нигилистах».

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 222–222 об.
- Антонович М.А.* Воспоминания // Шестидесятые годы / вступ. статьи, коммент. и ред. В. Евгеньева-Максимова, Г.Ф. Тизенгаузена. М.; Л.: Academia, 1933. С. 13–246.
- [*Антонович М.А., Жуковский Ю.Г.*] Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869. 197 с.
- Бакунин М.А.* Интриги г-на Утина // Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале / под ред. В. Полонского. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 408–423.
- Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. 527 с.
- Герцен А.И.* «Европеец» // Собр. соч.: в 30 т. Т. 18. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 105–106.
- Герцен А.И.* И.С. Тургеневу. 10 апреля (29 марта) 1864 г. // Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Кн. 2. Письма 1860–1864 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 453–455.
- Герцен А.И.* Письмо к Н. Огареву (перевод) // Собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Кн. 1. Произведения 1867–1869 годов. Дневниковые записи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 399–402.
- Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Былое и думы. 1852–1868. Часть VI–VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 807 с.
- [*Герцен А.И.*] Стихи и проза Некрасова // Колокол. 1866. № 220. 15 мая. С. 1803.
- Герцен А.И.* Э. Кине. 8 января 1869 г. (27 декабря 1868 г.) // Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Письма 1869–1870 годов. Дополнения к изданию. М.: Наука, 1964. С. 10–12.
- Герцен А., Огарев Н.* 1857–1867 [Первое десятилетие] // Колокол. 1867. № 244–245. 1 июля. С. 1991.
- Достоевский Ф.М.* Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 20. Статьи и заметки, 1862–1865. Л.: Наука, Лен. отд-ие, 1980. С. 102–120.
- Елисеев Г.* Ответ на критику // Отечественные записки. 1869. № 4. Отд. II. С. 336–368.
- Зайцев В.А.* Белинский и Добролюбов // Русское слово. 1864. № 1. Отд. II. С. 1–68.
- Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист «Современника» // Русское слово. 1864. № 4. Отд. II. С. 67–74.
- Короленко В.Г.* Воспоминания о Чернышевском // Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 6. С. 346–376.
- Н. К. [Курочкин Н.С.]* Некролог. Дмитрий Иванович Писарев // Отечественные записки. 1868. № 8. Отд. II. С. 174–179.
- Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. 1858–1865. М.; Л.: Гослитиздат, 1955. 652 с.
- [*Салтыков-Щедрин М.Е.*] Наша общественная жизнь. <X. Март 1864 года> // Современник. 1864. № 3. Отд. II. С. 27–62.
- [*Салтыков-Щедрин М.Е.*] Рец. на: Материалы для характеристики современной русской литературы // Отечественные записки. 1869. № 4. Отд. II. С. 273–283.
- Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 5 апреля 1865 г. по 1 июля 1868 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1868. 140 с.
- Свешников Н.И.* Воспоминания пропавшего человека. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 319 с.
- Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 355 с.
- Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10. Статьи и переводы. 1868. М.: Наука, 2007. 475 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 37. Отд-ние 1. СПб., 1865. С. 430–431. 12 мая 1862, № 38270.
- [*Шелгунов Н.В.*] Воспоминания Н.В. Шелгунова // *Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1967. Т. 1. С. 47–324.

Библиографический список

- Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. 405 с.
- Евгеньев-Максимов В., Тизенгаузен Г.* Последние годы «Современника». 1863–1866. Л.: Гослитиздат, 1939. 344 с.
- Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов // *Избранное. Эстетические идеи в России XIX века.* М.: Летний сад, 2009. С. 289–632.
- Емельянов Н.П.* «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л.: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1986. 333 с.
- Кириллов В.Л.* Революционный терроризм, которого не было: тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. М.: АИРО-XXI, 2016. 236 с.
- Козьмин Б.П.* Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // *Литературное наследство.* Т. 41/42. А.И. Герцен. II. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 1–48.
- Козьмин Б.П.* «Раскол в нигилистах» (Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов) // *Из истории революционной мысли в России. Избранные труды.* М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 20–67.
- Козьмин Б.П.* Русская секция Первого Интернационала. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 410 с.
- Кузнецов Ф.Ф.* Круг Д.И. Писарева. М.: Худож. лит., 1990. 926 с.
- Лапина Г.С.* Русская пореформенная печать 70–80-х годов XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 130 с.
- Линков Я.И.* Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов // *Вопросы истории.* 1958. № 9. С. 33–57.
- Мысляков В.А.* Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 262 с.
- Папковский Б., Макашин С.* Некрасов и литературная политика самодержавия // *Литературное наследство.* Т. 49/50. Н.А. Некрасов. I. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 429–532.
- Пинаев М.Т.* М.К. Эллидин – революционер, издатель и пропагандист наследия Н.Г. Чернышевского // *Некоторые вопросы русской литературы. Ученые записки Волгоград. гос. пед. ин-та им. А.С. Серафимовича.* Волгоград, 1967. Вып. 21. С. 3–79.
- Рейфман П.С.* «Современник» и «Русское слово» перед расколом в нигилистах // *Ученые записки Тартус. гос. ун-та. Тр. по русской и славянской филологии.* XV. Литературоведение. Тарту, 1970. Вып. 251. С. 46–91.
- Шахматов Б.М.* Николадзе Нико (Николай) Яковлевич // *Русские писатели. 1800–1917. Биограф. словарь.* М.: БРЭ, 1999. Т. 4. С. 312–316.
- Щербакова Е.И.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 224 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.11.2020

THE SPLIT AMONG THE NIHILISTS – THE STRIFE AMONG THE NIHILISTS. ON THE HISTORY OF RUSSIAN REVOLUTIONARY-DEMOCRATIC PRESS OF THE 1860s

V. L. Kirillov

The State Museum of Political History of Russia, Kuibyshev str., 2-4, 197046, St. Petersburg, Russia

kirillov-msu@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4960-4692

ResearcherID: AAY-8372-2021

In 1863–1865, two influential Russian revolutionary-democratic journals “Sovremennik” (“The Contemporary”) and “Russkoe Slovo” (“The Russian Word”) debated literary and social issues. In historiography, this debate – the so-called “split among the nihilists” – was an example of political conflicts in Russian press, but the author states that a personal factor was a more important reason for that case. It was not a single occasion of personal conflicts in the journalist community in the middle and the second half of the 1860s. In this period, there were the similar episodes: Maxim Antonovich and Yuly Zhukovsky’s accusation against Nikolay Nekrasov, the conflict between Alexander

Herzen and “the young emigrants”, the debates in the periodicals of Mikhail Elpidin’ printing house, etc. They happened during the crisis of the Sixtiers movement (or the revolutionary-democratic movement), when expectations of a revolutionary explosion of the Russian people were not justified, censorship oppression rose, and political disorientation of Russian oppositional community increased. Under those circumstances, discussions did not lead to new ideas and trends, but only aggravated the depressive atmosphere in the journalistic community. Even among the Russian revolutionary diaspora – without censorship and other influence of the Russian government – publicists could not avoid personal conflicts. Many memoirs also confirm that those splits – or, more precisely, that strife – were more personal rather than political conflicts.

Key words: revolutionary-democratic press, “split among the nihilists”, “Sovremennik”, “Russkoe Slovo”, Dmitry I. Pisarev, Russian revolutionary diaspora.

References

- Egorov, B.F. (2009), “The struggle of aesthetic ideas in Russia of 1860s”, in *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [Selected works. Aesthetic ideas in Russia in the 19th century], Letniy sad, Moscow, Russia, pp. 289–632.
- Emelyanov, N.P. (1986), “*Otechestvennye zapiski*” N.A. Nekrasova i M.E. Saltykova-Shchedrina (1868–1884) [“Fatherland Notes” by N.A. Nekrasov and M.Y. Saltykov-Shchedrin], Khudozh. lit.: Leningr. otd., Leningrad, Russia, 333 p.
- Evgenyev-Maksimov, V. & G. Tizengauzen (1939), *Poslednie gody “Sovremennika”, 1863–1866* [The last years of “The Contemporary”, 1863–1866], Goslitizdat, Leningrad, Russia, 344 p.
- Grosul, V.Y. (2001), *Mezhdunarodnye svyazi rossiyskoy politicheskoy emigratsii vo 2-y polovine XIX veka* [International relations of the Russian political diaspora in the 2nd half of the 19th century], ROSSPEN, Moscow, Russia, 405 p.
- Kirillov, V.L. (2016), *Revolyutsionnyy terrorizm, kotorogo ne bylo: Tainoe obshchestvo “Smorgonskaya akademiya” v russkom revolyutsionnom dvizhenii 1860-kh gg.* [Revolutionary terrorism that did not exist: The secret society “Smogron Academy” in Russian revolutionary movement of 1860s], AIRO-XXI, Moscow, Russia, 236 p.
- Koz’min, B.P. (1941), “Herzen, Ogaryov and ‘the young diaspora’”, in *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], vol. 41/42, Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia, pp. 1–48.
- Koz’min, B.P. (1957), *Russkaya sektsiya Pervogo Internatsionala* [The Russian section of the First International], Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia, 410 p.
- Koz’min, B.P. (1961), “«Split among nihilists» (an episode from the history from Russian social thought of 1860s)”, in *Iz istorii revolyutsionnoy mysli v Rossii. Izbrannye trudy* [From the history of revolutionary thought in Russia. Selected works], Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia, pp. 20–67.
- Kuznetsov, F.F. (1990), *Krug D.I. Pisareva* [The D.I. Pisarev’s circle], Khudozh. lit., Moscow, Russia, 926 p.
- Lapshina, G.S. (1985), *Russkaya poreformennaya pechat’ 70–80-kh godov XIX veka* [The Russian post-reform press in the 70s and 80s of the 19th century], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, Russia, 130 p.
- Linkov, Y.I. (1958), “The basic stages of history of revolutionary society ‘Land and Liberty’ in the 1860s”, *Voprosy istorii*, № 9, pp. 33–57.
- Myslyakov, V.A. (1984), *Saltykov-Shchedrin i narodnicheskaya demokratiya* [Saltykov-Shchedrin and narodnik democracy], Nauka: Leningr. otd., Leningrad, Russia, 262 p.
- Papkovskiy, B. & S. Makashin (1949), “Nekrasov and the autocracy’s policy in literature”, in *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], vol. 49/50, Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia, pp. 429–532.
- Pinaev, M.T. (1967), “M.K. Elpidin – revolutionary, publisher and propagandist of Chernyshevsky’s heritage”, in *Nekotorye voprosy russkoy literatury* [Some issues of Russian literature], Gaz. “Volgogr. Pravda”, Volgograd, Russia, pp. 3–79.
- Reifman, P.S. (1970), “«The Contemporary» and «The Russian Word» before the split among nihilists”, in *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. XV. Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic philology. XV. Literature study], Tartu, Estonia, p. 46–91.
- Shakhmatov, B.M. (1999), “Nikoladze Niko (Nikolai) Yakovlevich”, in *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograf. slovar’* [The Russian writers, 1800–1917, biographical dictionary], vol. 4, Great Russian Encyclopedia, Moscow, Russia, p. 312–316.
- Shcherbakova, E.I. (2008), “*Otshchepentsy*”. *Put’ k terrorizmu (60–80-e gody XIX veka)* [“Outcasts”. The path to terrorism (the 60s – 80s of the 19th century)], Novyy Hronograf; AIRO-XXI, Moscow, Russia, 224 p.